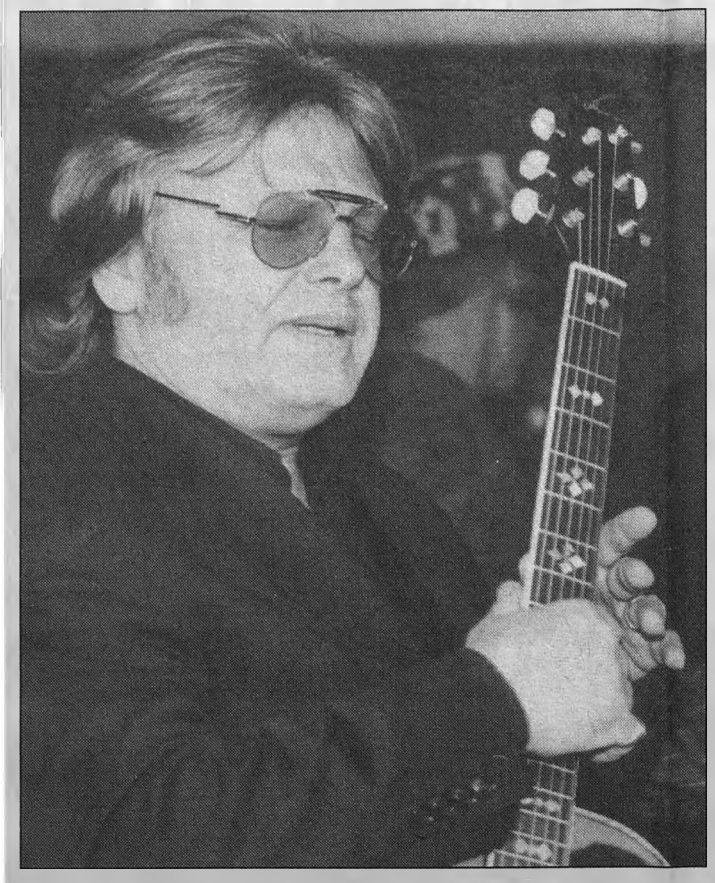

НЕ ГОВОРИТЕ МНЕ «ПРОЩАЙ!»

Тверская, 13. – 2003 – 25 янв. – с. 1–2

(Окончание. Начало на стр. 1)

- Я знаю, что вы всегда работаете исключительно в живом звуке, поэтому был несколько удивлен, когда увидел вас как-то в «Песне года» - этом сборном фонограммном шоу...

- Дело в том, что у телевидения свои законы: здесь должен быть очень качественный звук, поэтому и используется запись. А позвал меня в «Песню» Игорь Крутой - очень милый, интеллигентный человек. Конечно, у него в передаче свои правила, свое действие, своя игра, но меня это не касается. Меня приглашают - почему я должен отказываться?

- Справедливо, тем более что любая ваша песня будет везде уместна. Кстати, сегодня, в эпоху тотального дефицита поэтических мыслей, как вам удается находить стихи для своих шлягеров?

- В основном пишу для себя сам. Так спокойнее. И дело не в том, что сейчас поэты стали хуже писать, нет. Просто я больше не хочу ни от кого зависеть.

- Я знаю, вы очень строги к качеству поэзии. Говорят, стихи песни «Не говорите мне «прощай!» Михаил Рябинин переписывал десятки раз...

- Да, стопроцентно. Я его заставлял переписывать текст, хотя он и не любил этого делать. Он всегда писал с одного раза и говорил, слегка картавя: «Я принес шлягер». Он был очень хороший поэт и человек, хотя у нас с ним получились только две песни.

- Как вы думаете, чем нынешнее время отличается от советского, когда вы пережили пик своего успеха?

- Когда была цензура, худсоветы? Конечно, отличается, но, вы знаете, я бы не сказал, что кардинально. Ведь если раньше нам мешала партийная идеология, то сегодня все решают финансово-ангажированные люди. А простому человеку как тогда мало что позволялось, так и сегодня. Да, он как будто получил свободу перемещения, волеизъявления, но куда, в какую страну он может поехать, если едва сводит концы с концами? Что он может купить на свои гроши, если даже относительно недорогой билет на концерт любимого артиста ему, извините, не по карману? И что толку от этой бесконечной публичной критики правительства, президента? А воз и ныне там. Какая разница, какой в стране строй, если человеку как было плохо, так и осталось?

- Кстати, о худсоветах. В них, как правило, заседали такие маститые композиторы, как Колмановский, Тариверdиев, Фрадкин и другие. Что они вменяли в вину вам и другим молодым в ту пору авторам - тематику песен, музыкальную стилистику?

- Думаю, дело было не в этом. Тогда негласно считалось, что Союз композиторов - это своего рода каста неприкасаемых, этакая мафия. Они возомнили, что только они настоящие композиторы, а тут какая-то молодежь в спину дышит. Эдуард Колмановский был, пожалуй, самым жестоким и нетерпимым человеком среди них, его многие боялись. Когда я написал «Маки» - песню-память о войне, он решил, что я влез не в свою идеологическую нишу, и всячески порочил мое творчество: все, видимо, должны были восхищаться одними лишь его патриотическими хитами, среди которых выделялась известная тогда на весь мир «Хотят ли русские войны?». Но я ни на кого не в обиде и не в претензии. Эти композиторы, сами того не зная, нас попросту закаливали. К тому же мелодисты они были действительно великие. Тот же Богословский, например, или Фрадкин. Там что ни песня, то шедевр. Что же касается худсоветов и цензуры в целом, то они просто удерживали профессиональную планку: не допускали халтуры и бездарщины - всего того, что сегодня в избытке.

Но спрос на хорошую песню был всегда. А это уже решали не худсоветы, а публика. Мой рекорд, кстати, это 28 концертов за 15 дней в ленинградском СКК. На каждом из них присутствовало 14 тысяч зрителей.

- Суперуспех! И опять-таки без всяких фонограмм. Кстати, Юрий Михайлович, кто, по-вашему, родоначальник этого позорного явления на нашей эстраде?

- Я думаю, София Ротару. Правда, не могу утверждать этого стопроцентно, но подозреваю, что именно она первая начала делать это.

- Странно, что в годы тотальных запретов этому никто не воспротивился, не дал решительного отпора...

- А никто же не знал! Люди вообще не понимали, что такое фонограмма. Вы что, думаете, сейчас многие могут отличить фонограммное пение от живого? Дудки! А уж тогда...

- Кстати, подобный «фанерный» бум был и на Западе: помню, давнюю историю с «Бони М»...

- Там это, скорее, исключение из правила. Однажды, например, известная группа «Милли Ванили», поработав под фонограмму концерт, чуть не угодила в тюрьму: был большой судебный скандал. На Западе разрешается использовать только инструментальную фонограмму, какие-то фрагменты записи, но петь надо обязательно вживую.

- А у нас даже разговорные связки между песнями умудряются порой записывать на пленку! Выходит, бороться с этим в России бесполезно?

- Почему? Надо через Думу провести соответствующий закон. В Белоруссии, например, он уже есть. Там, правда, ничего не запрещают, только обязывают организаторов концертов указывать в афише, что артист работает под фонограмму.

- А как проверить и юридически доказать это?

- Элементарно. Надо подойти к звукорежиссеру сразу же после концерта, снять все миниДиски и прочие звуконосители и сделать экспертизу. Если записана только инструментальная фонограмма, все в порядке. А если и голос, то... Все очень просто, если это, конечно, будет делать не какой-нибудь олух, а человек сведущий, профессиональный. Кстати, за это дело должны взяться и вы, журналисты. Говорить и писать об этом впрямую, называя конкретные имена артистов-халтурщиков. Пусть они потом доказывают, что работают честно. Важно постоянно давить и на сознание слушателей: вас дурачат, обманывают, причем за ваши же денежки! Один раз скажешь - не поймут, десять раз напишешь - глядишь, и дойдет.

- В будущем, хочется верить, наша публика будет более разборчивой и взыскательной, но вернемся в середину 70-х. Тогда, помнится, был момент, когда вас не выпустили не то в Финляндию, не то в Болгарию и вы едва не покинули страну...

- Меня не только в Болгарию и Финляндию, а вообще никуда не пускали. Естественно, были нормальная человеческая обида, протест. Я действительно собирался уехать, но вовремя остановился: на то были причины семейного порядка, да и родители меня отговаривали. А возможно, просто взыграли какие-то национальные черты характера, патриотизм, если хотите. Во всяком случае, я нисколько не жалею, что никуда не уехал.

- Думается, на Западе вы, как композитор масштабно мыслящий, могли бы создавать чудесные мюзиклы по типу уэбберовских «Кошек», «Сансет Бульвара», «Призрака оперы»... Кстати, почему вы никогда не занимались этим?

- Любой мюзикл - это серьезное произведение в легком жанре. А стало быть, его успех зависит не только от работы композитора, но и от качества литературного материала, то есть либретто. Нужен хороший сценарист, а его не было. Правда, не могу сказать, что активно искал такого соавтора. Вторая причина - большие произведения пишутся долго: год-два. Это значит, нужно сидеть на одном месте, забыв про гастроли (а они у меня всегда были очень интенсивные), про песни... Нет, я не мог пойти на это.

- Юрий Михайлович, а знают ли о вас именитые коллеги на Западе?

- Да вряд ли. Хотя... Меня знает Пол Маккартни, об этом он сказал еще во времена «перестройки». В Москве я встречался с его директором, приглашал его с женой в ресторан, мы много общались. Знаком с моей музыкой и Хулио Иглесиас. Хорошо знают меня в Финляндии: очень много песен финны перевели на свой язык или просто использовали мою музыку с новыми текстами. Помнят меня, естественно, и в странах бывшего соцлагеря. Может быть, где-то еще. И все. Период стальных засовов и железного занавеса, конечно, не прошел даром. Дело еще в том, что в советских официальных кругах мое искусство не было особенно популярно, оно не поддерживалось со стороны государства.

- У нас, кстати, все и всегда сводилось к тому, хочет государство или не хочет...

- Вот именно. Если страна хотела иметь прекрасный балет, она его имела и рекламировала. Если она хотела иметь симфоническую музыку, она ее тоже поддерживала. А если она не хотела иметь хорошую эстрадную песню и вообще поп-музыку, то она ее и не имела. Где это видано, чтобы на огромную страну была лишь горстка популярных имен? Причем все мы появились не благодаря, а вопреки. Перед нами стояла масса проблем. Вы только представьте себе, что никто из нас, музыкантов того поколения, не мог даже помыслить о звании заслуженного, а тем более, народного, артиста! Это было просто невозможно. А сейчас мы все народные, имена знаменитых артистов выбиваются в звездах. Власть наконец-то признала популярную музыку, повернулась к ней лицом. А ведь так должно было быть давно. И возможно, наша эстрада стала бы иначе развиваться и имела бы уже традиционно хорошее качество.

- А непризнание властей разве не прибавляло гордости: мол, пусть мне ничего не дают, зато у меня есть главное - любовь народа?

- Нет-нет-нет, я другой человек и просил бы меня ни с кем не сравнивать: у каждого свое кредо и свои законы движения по жизни. У меня была, скорее, не гордость, а удовлетворение от того, что я смог чего-то добиться собственными силами, без чьей-либо помощи.

- А какие отношения у вас были с Вячеславом Добрыниным - вашим постоянным конкурентом?

- Да не были мы конкурентами! Я этого слова тогда вообще не воспринимал. О какой конкуренции можно было говорить, если на всю страну было всего несколько певцов и 10 - 15 композиторов? Причем я не имею в виду старую гвардию композиторов-гигантов, а только свое поколение. Особенной неприязни у нас друг к другу не было: каждый жил своим мирком. Как, впрочем, и сейчас.

- Но вы хотя бы общаетесь с Добрыниным?

- Да, общаемся при встрече: здравствуй, до свидания... А о чем еще говорить? Ведь у каждого из нас не только своя жизнь, но и, заметьте, свой подход к музыке. Я, кстати, никогда не говорил, что мои песни лучше, чем добрынинские. Пусть нас рассудит история. У каждого композитора в нашем жанре есть свои достижения, свои победы, а считать, кто больше написал хитов, кто меньше, по-моему, смешно.

- В свое время вы покинули множество коллективов: группу Виктора Вуячича, «Поющие гитары», «Добры молодцы», оркестр «Современник» Анатолия Кролла... Ваш принцип - нигде не задерживаться?

- Дело не в этом. Существует некое движение человеческой личности, а для того чтобы она двигалась вперед и в гору, ей нужно делать какие-то осмысленные шаги. Ансамбли - это все-таки ансамбли, там важно чувство коллектива. А зачем быть солистом ансамбля, если я могу быть солистом сам по себе? Мне нужна была только аккомпанирующая группа, но кто бы мне позволил ее создать? И я пошел хитрым путем. Из оркестра Кролла с его великолепной джазовой школой (а я по природе своей джазмен) перешел в московский мюзик-холл. Там познакомился с прекрасным человеком по фамилии Юровский, который и помог организовать ансамбль в составе мюзик-холла. Мы выступили перед руководством Росконцерта, я пел свои песни - в общем, наша программа понравилась. После этого мне разрешили набрать свою группу уже непосредственно в Росконцерте. Ею стала «Магистраль». Мы очень удачно начали работать - по стадионам, дворцам спорта, вскоре появились и первые пластинки. Так и пошло-поехало...

- Кстати, начиная свою музыкальную карьеру, вы сознательно решили использовать свой уникального тембра голос или просто не могли найти подходящего исполнителя?

- А я и не пытался их искать, так как сам очень активно работал. Мои песни в разные годы пели и Катя Семенова, и Лев Лещенко, и Ободзинский, и «Синяя птица»... Так складывалось. Специально я, может, и занимался бы поиском исполнителей, но у меня самого всегда столько незаписанного материала, что на других просто не хватает времени. Вы говорите, у меня необычный голос? Не знаю, я так никогда не думал, а просто работал - писал, играл и пел. Вот и все.

- А что за история случилась с группой «Аракс», с которой вы какое-то время работали? Почему в свое время не вышла их сольная пластинка?

- В 1979 году, услышав эту группу в одном из ДК, я попросил их саккомпанировать мне в записи своего альбома. За это я пообещал им помочь с выпуском их альбома, так как рок-музыкантам издать свою пластинку в то время было практически невозможно, а у меня были хорошие связи с фирмой «Мелодия». Сказано - сделано. Сначала записали мои миньоны, а потом и их материал: там было пять моих песен в аранжировке «Аракса» и пять их собственных композиций. Пластинка получилась по тому времени просто супер. Но «Аракс» вскоре уехал на гастроли на Дальний Восток и попал в какую-то неприятную историю, связанную с КГБ. Оттуда в Министерство культуры на «Мелодию» пришли запросы о том, кто такие «Аракс», откуда взялись и прочее. Были запрещены любые упоминания об этой группе. Вот так и похерилась их пластинка.

- Вы очень переживали по этому поводу?

- Ну а как же! Я же был заинтересован в этом, столько сил вложил! Но они сами себе, дураки, все испортили.

- Юрий Михайлович, в начале «перестройки» многие наши композиторы, в частности Резников, Николаев, Матецкий, ездили на Запад записывать свои песни на английском языке. Это было очень модно, а у вас даже попытки такой не было...

- Гм, почему не было? Была! И клип у меня на английском очень хороший есть - «Не говорите мне «прощай!» Должен сказать, что я одним из первых в Советском Союзе выпустил свой альбом на Западе - в Финляндии, на фирме «Поларвокс». Это было в 1985 году. Правда, в Америку с композиторами не ездил...

- Вы считаете, наша песня не может быть конкурентоспособной на Западе?

- Может! Запросто может. Конечно, гармоническая основа и стиль исполнения наших песен несколько отличаются от западных, но смогла же, например, испанская «Макарена» поставить всех на уши! Почему же наша песня не сможет? Другое дело, здесь нужна еще и заинтересованность западного шоу-бизнеса, а ее как не было, так и нет. И в этом все дело. Я понял это давно.

- Судя по вашим острым, исчерпывающим проблему репликам, вы человек довольно политизированный...

- Я, безусловно, интересуюсь политикой, потому что вижу, насколько невысок уровень жизни людей. Это ведь отражается, как я уже говорил, и на нашей концертной работе, и на выпуске альбомов... Кризис никак не разрешается, кругом бесчинствуют пираты.

- А благотворительных концертов вы не даете?

- Практически нет, потому что очень осторожно отношусь к этому: под личиной благотворительности нередко скрывается прямая, стопроцентная нажива. Я не хочу в этом участвовать и давать возможность всяким негодяям бесплатно использовать свое творчество. Другое дело, если я даю сольный концерт и сам могу распоряжаться вырученными средствами, зная, что они дойдут по назначению. Часто помогаю нищим старушкам на улице, бабушкам, которые просят иногда купить один огурчик или помидорчик, я, естественно, покупаю им килограмм-два.

- Эти старушки конечно же узнают вас?

- Вовсе нет. Они обращаются ко мне просто как к человеку. Эти люди уже давно не интересуются ни поп-музыкой, ни шоубизнесом, ни всей этой тусовкой. Для них главное - просто по-человечески выжить. Им не до Юрия Антонова, и я их понимаю.

- И чтобы помочь людям, вы одно время поддерживали ЛДПР и даже хотели стать депутатом от этой партии в Льговском районе Курской области. Затея, однако, не удалась...

- Было такое поветрие - попасть в Думу, и я на него, не скрою, поддался. Начал очень активно ездить по районам, деревням, селам (там, где раньше никогда даже не выступал!) и увидел везде такой кошмар, что стало страшно. После этих поездок я очень сильно простудился и заболел, а через некоторое время узнал, что, кроме меня, на выборах баллотируется еще шесть человек. Свою кандидатуру в итоге решил снять, и моя политическая карьера на этом закончилась. Я выполнил работу, за которую ничего не получил, и оказался у разбитого корыта.

- Юрий Михайлович, ваша жизнь сегодня - музыка, общение с природой, животными, но в этом уютном доме, мне кажется, вы все же одиноки. Это правда, что вы - страшный мизантроп?

- Ну что вы! Я часто принимаю гостей, у меня много друзей, причем в основном не из мира искусства. Друзей детства у меня, к сожалению, нет, потому что рос я не в Москве, а в Белоруссии. Правда, иногда ко мне приезжают люди из Минска, но они, честно говоря, кажутся мне какими-то периферийно-странными. В них много местечковости, провинциализма, хотя это вовсе не говорит о том, что они плохие люди. Наоборот, они даже гораздо лучше москвичей. Но хочешь или не хочешь, ты смотришь на них с высоты города, в котором живешь. Европейского города.

- Говорят, у вас большая коллекция пиджаков...

- Да, есть. Но они только висят, я их не ношу. Иногда раздариваю. Люблю больше в джинсах ходить, в куртках. Не понимаю, зачем специально для концерта нужно шить какой-то костюм, ведь люди пришли не на пиджак смотреть, а музыку слушать!

- Все знают, что вы большой любитель собак и кошек. А еду для них сами готовите?

- Нет, еду для них мне привозит сейчас одна французская фирма. А раньше, не скрою, приходилось готовить: и мясо покупал, и каши варил, и кастрюли огромные потом отскребал. Это была сплошная мука, и вскоре я перешел на фирменное питание. У моего дога, например, шерсть сразу стала атласной, блестящей.

- Кстати, как зовут ваших собак?

- Лорд, Пашка, Нора, Нюся и Клара.

- А вам никогда не приходило в голову дать собаке кличку...Шлягер?

- Шлягер, ко мне? Нет, не приходило! (*смеется*) Интересная идея. Если бы она пришла, то так давно уже и назвал бы...

Беседу вел
Сергей СОСЕДОВ
Фото Алексея Калачева